

вировку. Роль и побуждения Теплова сомнительны. Он сам участвовал в литературных спорах того времени и скоро стал ярким противником Третьяковского.¹² Никаких следов официальности нет в самом «Письме» как документе, и вообще, никакой «официальной» (или иной) литературной критики тогда еще не существовало; утверждение о заказном характере «Письма» является, таким образом, еще и попыткой самозащиты. Но, с нашей точки зрения, не это главное. Важна сама проблема создания литературной критики. Здесь примечателен не столько прием написания анонимного письма от имени друга (довольно обычный и в европейской, и в более поздней русской традиции), сколько то, что Третьяковский не справился с сохранением иллюзии анонимности. В его «Письме» постоянно обнаруживается затронутое авторское самолюбие, губя самую цель его сочинения.

Личная заинтересованность Третьяковского не только обнаруживает специфику литературной жизни России середины века, но связана и с более общей проблемой утверждения прав «частного» голоса в публичной сфере. Этот момент представляет большой политический, психологический, и общекультурный теоретический интерес.¹³

В абсолютистской России словесность понималась как государственная служба и отражала государственные политику и идеалы.¹⁴ Позиция Третьяковского оказалась сложной и даже противоречивой. Он отказал Сумарокову в праве публично огласить свое личное мнение, в то время как сам пытался спасти репутацию, высказав собственную точку зрения. Речь шла о допустимых пределах публичной сферы. Возражая против права комедии (и в меньшей степени эпистолы) приобрести функции сатиры, Третьяковский противился также смешению границ между публичной и частной сферами. Можно предположить, что цель «Письма» была «полуофициальной» в том смысле, что Третьяковский, обвинив Сумарокова едва ли не в крамоле, хотел навлечь

¹² См.: Пекарский П. История императорской Академии наук. Т. 2. С. 188–197. П. П. Пекарский считает, что Теплов приказал Третьяковскому написать «Письмо» «конечно (!) в видах подзадорить обоих литературных противников и тем потешить тех, кто знал их» (С. 152).

¹³ См.: Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit*. Darmstadt, 1962; Мотрошилова Н. В. О лекциях Ю. Хабермаса в Москве и об основных понятиях его концепции // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. (Лекции и интервью. Москва, апрель, 1992). М., 1992. С. 115–174.

¹⁴ Третьяковский был преданным приверженцем просвещенного абсолютизма, что в, частности, нашло отражение в его предисловии к переводу «Аргениды» Дж. Баркляя (1751).